

БОРЬБА КОРЕЙСКОГО НАРОДА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В СЛУЖЕБНЫХ МАТЕРИАЛАХ ЯПОНСКОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВА

Аннотация: Статья посвящена борьбе корейского народа за освобождение в период конца 10-х – начале 40-х гг. Одним из важных источников изучения развития антияпонских настроений и выступлений в колонии можно считать служебные материалы японского генерал-губернаторства в Корее, в частности, публикации японской тайной полиции, суда, прокуратуры. Они, словно зеркало раскрывают как деятельность японских властей в Корее, так и положение дел в колонии, в том числе и борьбу корейцев за национальное освобождение. Закрытые японские издания серьезно помогают и анализу методов подавления японскими властями корейской освободительной борьбы. В этой области полицейские издания являются в полном смысле слова первоисточниками. Они позволяют сделать вывод об умелой маневренности и гибкости, о продуманности и многообразии методов подавления всех форм антияпонских настроений и выступлений. Хотелось бы подчеркнуть, что в своей колониальной политике Япония все же достигла определенных успехов. Это видно даже при сравнении антияпонских настроений и выступлений в конце 10-х – 20-х гг. и 30-х гг. и первой половины 40-х гг. Так, во время выступления 1919 г., а также июньской демонстрации 1926 г., Вонсанского движения главными лозунгами были освобождение от японского господства. Однако уже в 30-х гг. ситуация меняется. Японские закрытые издания приводят огромное количество материалов о стачках, арендных конфликтах, которые не имели национально-освободительной направленности и выдвигали на первый план проблемы социального протеста против японских и корейских капиталистов. Во второй половине 30-х гг., в начале 40-х и особенно в годы второй мировой войны в значительной степени из-за разумной политики колониальных властей практически все антияпонское сопротивление ушло за пределы Кореи, приобрело форму партизанской борьбы. При этом все потоки, все участники движения за освобождение Кореи внесли свой вклад в борьбу корейского народа за независимость. Это касается деятельности групп, подпольных союзов, действующих в конце 10-х, на протяжении 20-х и первой половины 30-х гг., а также и корейских патриотов, ведущих свою деятельность во второй половине 30-х – начала 40-х гг., и партизан в Маньчжурии.

Ключевые слова: генерал-губернаторство, Япония, Корея, колониальная администрация, борьба за освобождение, антиколониальное движение, антияпонские настроения.

L. V. Ovchinnikova

KOREAN LIBERATION MOVEMENT REFLECTED IN THE DOCUMENTS OF JAPANESE COLONIAL ADMINISTRATION

Summary: The article is devoted to colonial Korean and Japanese history. The author has been conducting research using – as a scientific base – Japanese documents for official use published in Japanese by the Japanese General-Governor's Office in Seoul, Korea in the early 20-s – 30-s and early 40-s. These books provide us important data concerning situation and various aspects of history of colonial Japan and Korea, including strategy and tactics of Japanese governance, methods of liberation movement suppression. Being maneuverable, flexible and adjustable, Japanese colonial governance combined numerous means and methods, including suppression of all forms of anti-colonial resistance. The author argues that the Japanese governance can be called quite successful. For example, she compares anti-colonial uprisings, incidents and public mood at the end of the 10-s, the 20-s, the 30-s and early 40-s. Thus, during the 1919 Movement, as well as the 1926 June

Demonstration and the Wonsan movement the main slogan was liberation from Japanese rule. Whereas in the 30-s the situation changes. The documents of Japanese colonial administration give us a huge amount of valuable information concerning the workers strikes, conflicts in the rural areas, which did not have national liberation slogans and mainly dealt with social protests against both Japanese or Korean capitalists and landlords. Due to the clever, rational and quite successful colonial governance, in the second half of the 30-s and first half of the 40-s practically all anti-Japanese resistance was driven out from the country, transforming into partisan activity. Though the author argues that all streams of liberation movement made their certain contribution to the Korean people*s struggle for independence. This concerns groups, underground organizations acting in late 10-s, the 20-s and first half of the 30-s, as well as Korean patriots acting in the mid and late 30-s and early 40-s, as well as partisans in Manchuria.

Key words: colonial administration, General-Governor, Japan, Korea, liberation movement, anti-colonial activity, partisan activity, struggle for independence.

В 2018 г. исполнилось 70 лет со времени образования на Корейском полуострове двух государств – Республики Корея и КНДР. В связи с этим хочется еще раз обратиться к истории до 1948 г., а именно к проблематике колониального периода, в частности, к борьбе корейского народа за обретение независимости. Эта тема освещалась в трудах отечественных востоковедов, но наряду с объективными оценками и суждениями в них немало спорного, требующего переосмысления.

Отечественные востоковеды – Ф.И. Шабшина (Куликова), В.И. Шипаев, М.Н. Пак и др. – создали немало трудов по теме борьбы корейского народа за освобождение. Они высоко оценивали самоотверженность корейских патриотов. В тоже время освободительное движение часто олицетворялось с коммунистами, хотя кроме борьбы леворадикальных сил были и другие направления движения за независимость. Националистическое течение тоже было, и источники, в частности доступные автору издания японского генерал-губернаторства, содержащие огромный фактический материал, дают много тому подтверждений.

Эта тема и сейчас активно изучается российскими востоковедами. Однако и в последних работах также преобладает несколько односторонний подход. Несомненно, японский колониальный режим рассматривал Корею прежде всего как плацдарм для экспансии в Восточной Азии, использовал ее как колониальный рынок. Именно на эту эксплуатационную часть и делается упор в выпущенных в последнее время трудах. Думается, что при анализе колониальной истории Кореи и Японии следует также подумать о том, какие основы были заложены для последующего после освобождения развития государственности на Корейском полуострове.

Нельзя замалчивать и тот факт, что в период генерал-губернаторства на корейском полуострове началось строительство современной инфраструктуры; были созданы предпосылки для развития государственности, здравоохранения, образования. Именно тогда в Корею появились железные и шоссейные дороги, стали появляться первые газеты, вышли в свет издания древних литературных памятников и т.п. Колонизаторская, эксплуатационная «составляющая», несомненно, преобладала, но с ней соседствовали и элементы модернизации экономической и общественной жизни.

Итак, проблематика истории Кореи и Японии колониального периода, в том числе и проблем борьбы корейского народа за освобождение, остается актуальной.

Источниковедческая база исследований по рассматриваемому периоду представляется недостаточной, и поиск новых источников приобретает большое значение. Такими источниками можно считать служебные издания и материалы японского генерал-губернаторства в Корее, в частности публикации японской тайной полиции, суда, прокуратуры. Они раскрывают как деятельность японских властей в Корее, так и положение дел в стране, развитие антияпонских настроений и выступлений, помогают проследить этапы корейского сопротивления. Эти закрытые издания были выпущены японским генерал-губернаторством на японском языке в Сеуле в 20-е, 30-е гг., в начале 40-х гг. Исследуемые публикации были рассчитаны на очень узкий круг чиновников японской колониальной администрации; их издание имело прагматические, прикладные цели. Думается, эти публикации дают более или менее достоверную информацию, но все же автор счел необходимым тщательно сверять ее с другими материалами. Это советская пресса 20–30х гг., монографии и статьи советских корееведов, содержание которых в наиболее концентрированном виде представлено в фундаментальном труде «История Кореи», т.2, 1974 г., монографии «История Кореи (Новое прочтение)», 2003 г., книге Хан Ёнью «История Кореи – новый взгляд», 2010 г., и др. В ряде случаев автор обращался к монографиям американских ученых, в частности, Р. Скалапино, Ли Чжонсика, посвященным вопросам корейского освободительного движения, также монографии Дж. Акита и Б. Палмера («Японского колониальное управление в Корее. 1910–1945. Новый взгляд») и др.

Исследуя тематику колониальной истории Кореи и Японии, автор использовал служебные издания японского генерал-губернаторства. В данной статье ограничимся их общим перечнем. Прежде всего это относящаяся к комплексно-аналитическим, исследовательским изданиям книга в двух изданиях «Состояние общественного спокойствия в Корее в последнее время» (最近における朝鮮治安状況 «Сайкин-ни окэру тё:сэн дзиан дзё:кё:») (Сеул, 1939 г. и 1943 г.); сборники «Вестников идеологии» (思想彙報 «Сисо: ихо:»), (выпуски за 1934 г. № 12, 1936 г. № 6, 1937 г. № 11, 1938 г. № 14 и № 16); секретные справочные издания «Корейская полиция» (朝鮮警察概要 «Тё:сэн кэйсацу»), Сеул, 1938 г. и «Словарь тайной полиции» (高等警察用語辞典 «Ко:то: кэйсацу ё:годзитэн»), Сеул, 1935 г. Отметим и обзорные издания генерал-губернаторства «Материалы комиссии по изучению чрезвычайных мер генерал-губернаторства» (朝鮮總督府時局対策調査会諮問案参考書 «Тё:сэн сотоку дзикёку тайсакай симонган санкосё») Сеул, 1938 г. Необходимо отметить и публикации «25 лет управления Кореей» (施政二十五年史 «Сисэй нидзюгонэнси»), Сеул, 1935 г., «30 лет управления Кореей» (施政三十年史 «Сисэй сандзюгонэнси»), Сеул, 1940 г. «Обстановка в Корее» (朝鮮事情 «Тё:сэн дзидзё:»), Сеул, 1941 г., 1943 г. и др.

Думается, что при исследовании темы борьбы корейского сопротивления в период японского колониального господства необходимо рассмотреть все его этапы (1910–1945 гг.). Из обширного арсенала содержащихся в японских изданиях сведений хотелось бы проанализировать те, которые позволяют рассмотреть основные этапы борьбы корейского народа за обретение независимости. Интересна и их трактовка авторами японских изданий. При рассмотрении этой темы условно можно выделить следующие блоки вопросов:

I. Подъем корейской освободительной борьбы в начале новейшего периода истории. Выступление 1919 г. Зарождение и развитие социалистического движения в Корее, его зарубежный период (1919–1925 гг.)

II. Создание Компартии Кореи. Зачатки и потенциалы единого фронта патриотических сил Кореи. Июньская демонстрация 1926 г. Образование общества «Синганхве» (1925–1928 гг.)

III. Левосектантский курс мирового революционного движения в конце 20-х – начале 30-х гг.

VI Конгресс Коминтерна. Ультралевизна и сектанство в борьбе корейских патриотов, их трагические последствия и уроки. Роспуск Синганхве (1929–1935 гг.)

IV. Изменение тактики корейского освободительного движения накануне и после VII Конгресса Коминтерна. Патриотическое подполье в стране. Борьба корейских партизан в Маньчжурии (1935–1939 гг.)

VIII Корейское сопротивление в годы 2-ой мировой войны.

Как же излагают и трактуют источники события каждого из этих этапов? К началу новейшего периода истории в Корее сложились условия для подъема народной борьбы за освобождения. Исследуемые материалы раскрывают степень нищеты, бесправия и протеста широких слоев населения в обстановке «сабельного режима». Издания генерал-губернаторства приводят сведения о «первомартовском» выступлении 1919 г. Движение за провозглашение независимости распространилось по всей территории Кореи. Руководителями и участниками его были представители интеллигенции, молодежи и учащихся, предприниматели, крестьяне, религиозные деятели. «Первомартовское» выступление было жестоко подавлено [1, с.37–58].

После событий 1919 г. японская администрация была вынуждена сменить методы управления и контроля в Корее на политику «культурного управления». В этот период в зоне борьбы за национальное освобождение образовалось 2 течения. Правое унаследовало традиции движения за первоочередное накопление «реальных сил», за предложение автономии и движение, выступившее против примирения с японскими властями и за развертывание активной борьбы. В данный период оба крыла национально-освободительного движения – левое и правое – охватило состояние кризиса, но в то же время наблюдалось стремление к созданию единого фронта. Одним из свидетельств этой тенденции стала июньская демонстрация 1926 г., проходившая под лозунгом борьбы за независимость Кореи и ставшая заметной вехой в борьбе народа за освобождение. Движение за сотрудничество между правыми и левыми проявилось в деятельности с 1927 г. «Синганхве» («Общества новых деяний»). Инициаторами его создания были члены националистических групп и компартия, представители христианских организаций, старой ветви «Чхондоге», буддистов. Оно имело 140 отделений по всей стране и насчитывало свыше 40 тыс. членов [11, с.74]. Как известно, общество «Синганхве» было распущено в 1931 г.

30-е годы стали особым этапом в борьбе корейцев за свое освобождение. С одной стороны, в рассматриваемое время нарастают милитаристские устремления Японии и связанные с этим меры по обеспечению спокойствия в Корее, созда-

нию прочного тыла, особенно после захвата Маньчжурии и усиления подготовки к «большой» войне. Придавая особое значение Корее как плацдарму продвижения на материк и «успокоению» народа колонии, японская администрация усилила полицейский террор, отбирая у народа остатки тех частичных свобод, которые была вынуждена провозгласить после движения 1919 г., ужесточая карательные акции в отношении антиколониальных и антивоенных сил Кореи.

С другой стороны, освободительная борьба в Корее в данный период приобрела новые черты. Это прежде всего касается леворадикального движения – в нем усилились левацкие ультрареволюционные наслоения, отход от наметившегося единства действий с буржуазно-патриотическими силами, что было в первую очередь отражением установок VI Конгресса Коминтерна. Японские издания приводят сведения об огромном количестве так называемых «красных» рабочих и крестьянских союзах, подпольных организациях интеллигенции, учащихся, которые наряду с борьбой за независимость Кореи выдвигали на первый план беспочвенные лозунги «коммунизации» Кореи, строительства там социалистического общества. Материалы позволяют классифицировать эти союзы по профессиональному и социальному принципу, определить содержание их требований и задач, уточнить методы и формы деятельности, преимущественно насильственные. Явно повышенное внимание источники уделяют левым союзам интеллигентов: «левые» по-прежнему рассматривались японской администрацией как влиятельная, активная сила освободительной борьбы.

К ценным, во многом новым можно отнести материалы источников, касающихся умеренного крыла интеллигенции, центристов, часть которых хотя и входила в «красные» союзы, но не поддерживала их ультралевацкий курс, выступая за первоочередность национально-освободительных задач, за блокирование с националистами-патриотами разных политических направлений. «Центристы» старались сочетать подпольную работу с легальной, вели культурно-просветительскую деятельность, особенно в деревне, связывались с красными союзами трудящихся, участвовали в их выступлениях, хотя не были сторонниками насильственных форм борьбы. Они ратовали за духовное развитие деревни и вообще корейского общества. К сожалению, в рассматриваемое время не они – умеренные – играли ведущую роль в левом движении.

В рассматриваемое время резко усилился процесс дифференциации в среде национал-реформистов. Это было связано не только с приобщением Японией корейской буржуазии к военно-промышленному строительству, но в большей мере и с крайним левачеством в подполье страны. Одних патриотов, не согласных с этим, оно толкало вправо. Другие – вовсе отходили от освободительной борьбы. Отток, как свидетельствуют материалы, был очень значительным. Но вместе с тем японские материалы позволяют судить о мужестве и самоотверженности оставшихся в подполье патриотов. Вместо репрессированных, отошедших от борьбы лидеров, активистов, участников приходили новые. Взамен разгромленных организаций под разными названиями создавались другие. Несмотря на глубокую ошибочность курса, на драматизм его последствий, на заведомо обреченные на провал выступления и многочисленные жертвы, подполье продолжало функционировать.

Неслучайно оно столь сильно тревожило японскую администрацию, притом, что ей был «на руку» отказ разнородных политических сил от блокирования, на что указывают многие страницы исследуемых книг.

В эти годы велась и партизанская борьба; по материалам японских служебных изданий можно сделать вывод, что, по сравнению с 20-ми гг., активность партизан в первой половине 30-х годов снижается. «Во время маньчжурских событий, – говорится в книге «Состояние общественного спокойствия...», – в Маньчжурии насчитывалось около 50 тыс. партизан; затем с созданием маньчжурского государства усилились объединенные действия против них японо-маньчжурских войск и полиции, и к концу марта того же года (1931 г.) число партизан сократилось до 10 тыс. С началом китайских событий активность партизан возросла, и число их превысило 16 тыс чел.» [11, с. 412–413].

Японские издания представляют ценные сведения о методах подавления партизанских выступлений, об акциях полиции и жандармерии. Подчеркивается, что они были «самыми решительными». В пограничных с Маньчжурией провинциях, по сведениям японских материалов, действовала наиболее широкая сеть подпольных групп, созданных партизанами для воспитания национального самосознания корейцев и дезорганизации корейского тыла. Отмечая неоднократные аресты руководителей этих групп, японские служебные издания указывают, что членами их была главным образом молодежь, что из пограничных районов они распространяли свою деятельность на юг, что организуя диверсии на транспорте, военных объектах, подпольные группы намеревались организовать совместно с партизанами вооруженное восстание в Корее» [там же].

Вторая половина 30-х гг. была периодом серьезных перемен в мире. Менялась обстановка и в зоне корейской освободительной борьбы. Подготовка Японии к войне с Китаем и ее развязывание усилили бдительность в колонии, еще более ужесточили репрессии в отношении антияпонских сил. Но одновременно с этим в левом лагере освободительного движения стали проявляться симптомы постепенного «выздоровления», что было в немалой степени связано с решениями VII Конгресса Коминтерна.

Борьба корейского народа за свое освобождение велась в рассматриваемое время в двух направлениях: и в самой стране, и в Маньчжурии. Относительно партизанской борьбы у отечественных востоковедов существовали разные точки зрения. Одни переоценивали деятельность партизан в Маньчжурии, называя ее решающим участком всей корейской освободительной борьбы. Другие, наоборот, считали, что существенного места в борьбе корейцев за освобождение она не занимала.

Материалы японских изданий свидетельствуют, что к середине 30-х годов центр партизанского движения переместился в Маньчжурию, так как в Корее, наводненной японскими войсками, действия партизан были почти невозможны. Как следует из японских источников, к середине 30-х гг. именно Маньчжурия стала активной ареной антияпонской борьбы корейцев-партизан. Как известно, там были сильны традиции вооруженных форм борьбы. Партизанская борьба велась там еще с начала 20-го века; здесь действовали «Армия справедливости» (Ыйбен)

и «Армия независимости» (Топпинкун). Точнее говоря, это были не армии – так называли совокупность отрядов, организаторами и руководителями которых были члены националистических групп. Способствовали ведению партизанской борьбы и географическое положение, непосредственная близость к Корее, особенно ландшафта. К 1935 г. в Маньчжурии проживало около 1 млн. корейцев, многие из которых включились в антияпонскую борьбу. Кроме того, там обосновалось значительное количество коммунистов, которые до роспуска корейской компартии (1925 г.) входили в нее как составная часть. Позже (в марте 1930 г.) они объявили о своем слиянии с компартией Китая. Отряды корейских коммунистов-партизан вошли в Китайскую освободительную армию. Компартия Китая со своей стороны была кровно заинтересована в том, чтобы корейский тыл становился все более неспокойным, чтобы в борьбе против японской армии участвовали все силы.

Помощь Компартии Китая корейским коммунистам-партизанам концентрировалась, в основном, на «кадровом» фронте. Китайцы часто являлись комиссарами в корейских партизанских отрядах: они участвовали в подготовке пропагандистских и агитационных материалов, листовок, обращений. Американские авторы, в частности, Скалапино, Ли Чжонсик пишут о крайне натянутых отношениях между корейцами и китайцами в партизанских отрядах, об их соперничестве, вражде и пр. [7] Японские источники не останавливаются на этих вопросах.

Как уже отмечалось, решения VII Конгресса Коминтерна оказало воздействие на освободительную борьбу китайского и корейского народа. Это нашло отражение в создании «Общества возрождения отечества» (декларировалось как организации единого фронта).

Обратимся к характеристике партизанской борьбы во второй половине 30-х гг., данной японскими изданиями. К примеру, «Состояние общественного спокойствия» сообщает, что приблизительно до 1935 г. коммунисты и партизанские группы действовали раздельно, без всякой связи между собой. Однако в 1935 г. КПК опубликовала так называемую декларацию «8.1» («Спасение страны и борьба с Японией»), объединив на базе прежней Северо-восточной народно-революционной армии все партизанские группы, находившиеся в Маньчжурии. Преобразовав эти силы в Объединенную Северо-восточную антияпонскую армию, КПК подчинила ее своему руководству. Каждой армии или дивизии был определен свой участок действий; в каждую такую армию, дивизию или группу были посланы политработники. Таким образом, установилась прочная связь партии и партизанских групп. Находившийся по ту сторону границы от провинции южная Хамген маньчжурский уезд Чанбай был определен районом действий 6-й дивизии 2-й армии в составе антияпонской объединенной армии. Командиром был назначен Ким Ир Сен. В районах действий 6-й дивизии под его руководством совершались частые рейды, сопровождавшиеся убийствами, грабежами, похищениями отдельных лиц и нанесением им ранений. По указанию Коминтерна и Компартии Китая, эта дивизия, как и другие подобные соединения, развернула работу по расширению организаций антияпонского фронта» [11, с.409–410].

Сравнительно большой материал приводится в изданиях о связях партизан и «Общества возрождения отечества» с Кореей. Он показывает, что такие свя-

зи были установлены несмотря на усилившиеся репрессии японских властей. Политработники, посланные в Корею руководством партизан, часто работали с коммунистами и подпольными организациями, которые функционировали в стране. К примеру в книге «Состояние общественного спокойствия...» сказано, что «Ким Ир Сен привлек некоторых радикалов из пограничного района Южная Хамген волости Унхын, поручил им развернуть там активную деятельность» [11, с.410]. В том же издании говорится, что политработники 6-ой дивизии были командированы на важные военные базы Кореи в Ханнам, Хамхын, Вонсан, Синийджу, а также на другие пункты в провинции Северная Пхэнан, Южная и Северная Хамген (более 10 пунктов), где были созданы антияпонские организации». Наиболее широкая их сеть была в пограничных районах провинции Южная Хамген и в районе Хыннам, где проводились аресты, казалось бы, окончательно разгромившие эти организации. На деле оказалось не совсем так» [там же]. В числе якобы разгромленных, но продолжавших функционировать, организаций названы «Союз освобождения корейской нации», «Корейское общество возрождения отечества», «Лига истинных друзей», «Антияпонская лига» и т.д. Число сторонников этих организаций после арестов составляло 200 человек [11, с.422]. Впрочем, можно полагать, что это были ячейки Общества возрождения отечества, которые, как следует из источников и литературы, действовали под разными названиями.

По сведениям рассматриваемых изданий «партизаны нападали на военные объекты, нарушали связь, совершали диверсии на железных дорогах, срывали важные работы военного характера, разоружали японские гарнизоны» [8, с.9–14]. Для борьбы с партизанами полицией Японии была установлена тесная связь с полицейскими органами Маньчжурии, приняты японской полицией в Корее совместные меры, проводились массовые аресты [там же].

Издание «Состояние общественного спокойствия...» отмечает, что «1937 г. отмечен возросшей активностью партизанских отрядов». Специфику этого периода оно определяет следующим образом:

1) Непосредственное руководство базировавшейся в Маньчжурии корейской антияпонской объединенной армии коммунистов и партизан со стороны Китая.

2) Развитие движения по созданию народного фронта, ставившего целью борьбу с Японией.

3) Активизация в Корее и Маньчжурии деятельности подпольных антияпонских организаций и большая численность их членов.

4) Непрерывающаяся деятельность группы Ким Ир Сена.

5) Значительное усиление подрывной работы партизан в период китайских событий.

6) Убийство многих лиц как, якобы, реакционных (прояпонских) элементов.

7) Массовое участие женщин в антияпонском движении.

8) Действия партизан «имеют самое непосредственное отношение к происходящим в настоящее время событиям. Если не будут проведены аресты, все это может привести к дезорганизации тыла, результатов которой следует опасаться» [11, с.418–419].

Партизаны продолжали действовать и во время усилившейся подготовки Японии к войне против СССР, когда в 1938 г. в районе озера Хасан и в 1939 г. в Монголии, у реки Халхин-гол имели место японские провокации. В это время в промышленных центрах Северной Кореи усилились саботаж и диверсии на военных объектах, были случаи ухода рабочих в партизанские отряды. Как сообщают японские издания, ранее аналогичные факты имели место и в других районах северной Кореи [8, с.84–85, 92].

Выше отмечалось, что борьба корейцев за освобождение от японского колониализма в 30-е годы была представлена двумя направлениями: движением непосредственно в стране и действиями партизан, база которых находилась в Маньчжурии. Отечественные исследователи часто ставили вопрос о том, какой поток был главный. Материалы служебных изданий скорее опровергают утверждение, что им являлась партизанская борьба в Маньчжурии и подтверждают приоритет, хотя и ослабленного, но продолжающего свою деятельность сопротивление в самой Корее. Думается, эти потоки не стоит противопоставлять. Ведь они были взаимосвязаны, подпитывали друг друга. Материалы свидетельствуют, что и в 30-е годы мы наблюдаем антияпонские настроения и выступления, деятельность немногочисленного, но мобильного и сильного подполья. Оно в неменьшей степени тревожило японскую администрацию, чем действия партизан. Об этом говорит и само соотношение материалов в японских служебных изданиях по обоим потокам борьбы. О действиях партизан их не так много. При этом внимание японских властей приковано не к ущербу, который они наносили японским подразделениям – он был, думается, незначителен, а к напряжению, создаваемому партизанами в японских тылах.

В кругах отечественных востоковедов велись дискуссии по следующим вопросам: не была ли деятельность корейцев-партизан в Маньчжурии лишь составной частью китайской национально-освободительной борьбы, в какой мере она являлась самостоятельной, была ли она связана с подпольем непосредственно в стране. С этими суждениями можно согласиться лишь частично. Как представляется, руководители и актив корейских партизан являлись членами Компартии Китая и, разумеется, полностью следовали ее установкам, причем во многом утилитарно-прагматическим. Но при этом они преследовали и свои, корейские национальные интересы, что нашло отражение в их программных материалах. Некоторое время назад полемика велась и по поводу того, существовало ли на практике «Общество возрождения отечества», была ли у него программа, поддерживало ли оно реальную связь с Кореей. Ответ, вытекающий из критического анализа полицейских изданий, утвердительный, обоснованный содержащимися в них конкретными данными. В качестве примеров можно привести связанные с ним рейды корейских партизан в Почхонбо и другие районы Кореи, существование в стране Капсанского комитета действия – филиала «Общества возрождения отечества» – и отправку эмиссаров из Маньчжурии в Корею, снабжение ее подполья литературой, помощь ему в организационной, кадровой работе, в других областях.

Корейские партизанские подразделения рассматриваются закрытыми изданиями японской администрации как составная часть китайской освободительной армии, которая слепо следовала ее установкам и указаниям. С этим трудно спорить, но подходя к оценке событий объективно, всесторонне, нельзя отрицать и то, что корейские партизаны – члены китайской компартии – одновременно ставили и задачи достижения корейской независимости. Это нашло отражение в разработанных ими документах, особенно в программе «Общества возрождения отечества». Судя по материалам, Общество возрождения отечества действительно существовало, роль его как организации единого фронта могла бы быть значительной, оно имело филиалы по стране, но общенациональной организацией, консолидирующей все разнородные силы против колониализма и войны, оно не стало.

Важными и интересными представляются материалы, позволяющие исследовать феномен Ким Ир Сена. Что касается его роли в корейском освободительном движении 30-е гг., то из сведений японских изданий следует, что он являлся его активным участником, но отнюдь не руководителем общенационального масштаба, не идеологом, не героем. Он не участвовал непосредственно и в операциях по освобождению Кореи Советской Армией от японского колониализма осенью 1945 г. Вместе с тем феномен Ким Ир Сена требует специального изучения, и сведения закрытых японских изданий о его участии в освободительной борьбе, о формировании его характера, конечно, важны.

Вторая мировая война изменила ситуацию в корейском освободительном движении. Его основной задачей было сплочение всех антияпонских сил. Япония, увязшая в агрессии против Китая, продолжала готовиться к большой войне. Обстановку в мире усложнила начавшаяся в 1941 г. агрессия Японии на юге и юго-востоке Азии. Весь этот период японские колониальные власти сочетали военно-полицейский террор и идеологическую экспансию, насаждая паназиатизм, расово-шовинистические идеи, лозунг «Азия для азиатов» под эгидой Японии, как нации, якобы призванной историей стать руководителем «сферы совместного процветания». Эта политика проникла во все поры общественной жизни, и особенно глубоко в бытовые сферы. Деятельность Союзов по мобилизации сил нации, «патриотических групп» (доносы, обязательная подача сведений в полицию обо всех подозрительных лицах и т.п.) порождала у населения подозрительность, недоверие, враждебность, разобщение людей.

Если первое время после событий 1919 г. именуется периодом «культурного управления», временем «бархатной кошачьей лапки», то период Второй мировой войны правомерно характеризовать как сочетание полицейского террора и политико-идеологической обработки населения; оно менялось и увеличивалось по мере перемен обстановки на фронтах. Естественно, все антияпонские, антиколониальные выступления в Корею были строго запрещены, но сопротивление японскому колониальному господству продолжались, преимущественно, в самой Корею. Роль китайской зарубежной базы корейской освободительной борьбы резко снизилась. Руководители крупных отрядов перебрались в Советский Союз, а мелкие партизанские группы действовали непосредственно в Корею. Руководили ими и другими малочисленными организациями и их выступлениями из подполья пре-

имущественно члены леворадикальных патриотических групп. Существовавшие в стране архипасные, сложнейшие условия надломили многих патриотов. Отход от борьбы был очень значительный.

Действовавшие подпольные группы проявляли большое мужество и стойкость. В это время наметилась тенденция к тому, что потоки национально-освободительного движения снова сливались. Из Северо-Восточного Китая в Корею время от времени тайно перебирались члены партизанских отрядов, связывались с местными леворадикальными группами; вместе с ними они проводили разъяснительную работу среди населения. Иногда партизаны привозили листовки, брошюры, информационные листки, рассказывающие о текущих событиях, о японской агрессии, о положении на фронтах. Достаточно сказать, что 180 дней в году японская полиция, как указывают служебные японские издания, относилась к числу «опасных».

В годы войны возникали различные группы, провозглашавшие своей задачей освобождение Кореи от колониального господства. Например, сеульская группа, возглавляемая Пак Хон Йоном, деятельность которой выходила за рамки столицы; другие, более мелкие леворадикальные группы. В их задачи входило установление связей с патриотами-националистами, но даже наладить между ними контакты в условиях полицейского террора было очень сложно. В августе 1944 г. Е Ун Хеном был создан Союз возрождения государства, провозгласивший одной из своих задач «создание объединенного антияпонского фронта». Союз просуществовал недолго, но сумел оставить свой след в антияпонском сопротивлении корейского народа. Продолжали свою деятельность и корейцы-патриоты в Китае. Ким Ду Бон, Чхве Чханг и другие создали там «Лигу независимости Кореи» в качестве организации единого фронта.

Исследуя тему корейского сопротивления, необходимо коснуться и лагеря национал-реформистов, который долгие годы в работах отечественных корееведов был показан как однородный и однообразный, а деятельность его представителей характеризовалась исключительно негативно. Между тем в него входило много искренних патриотов, ратовавших не за соглашательство с колонизаторами, а лишь за временные компромиссы, лавирование с целью избежания крови и насилия. То же самое можно сказать и о корейцах – авторах воззваний, призывавших студентов добровольно вступать в японскую армию. Также заслуживает внимания заметно усилившаяся в годы войны деятельность корейских эмигрантских организаций в США и других странах.

Итак, в годы второй мировой войны открытые формы борьбы, массовые выступления были невозможны. Что же происходило в военные годы в самой Корее? Несмотря на запреты властей, иногда на страницы легальных газет проникали сведения о растущем брожении в стране. Так, широко практиковался саботаж рабочих на заводах, шахтах, в портах, на транспорте. В промышленных районах Пхеньяна, Чхонджина, Хыннама несмотря на строжайший запрет властей проходили стачки. В годы войны получили распространение диверсии на военных заводах и шахтах; взрывы, организованные рабочими на военных предприятиях, аэродромах, железных дорогах, в портах. Выводились из строя станки, оборудование. Все это было одной из форм антивоенной борьбы, антияпонского сопротивления.

Японские власти отводили Корее важную роль в обслуживании войны, поэтому выведение из строя военных объектов, диверсии на транспорте, срыв выполнения военных заказов наносили серьезный ущерб японскому милитаризму.

Брожение происходило не только в городе, но и в деревне. В годы войны усилилось недовольство крестьян. Весной 1943 г. в городах прошли «рисовые волнения». Ухудшение условий жизни, недостаток продовольствия, рост налогов и другие тяготы военного времени вызывали недовольства. Так, в 1941 г. было отмечено более 4850 арендных конфликтов, в которых участвовало 10,4 тыс. человек [1, с. 144] Сопrotивление крестьян мероприятиям властей выразалось в невыполнении программы военных обложений, плана поставок риса. Протест в разных слоях населения вызвали закон о всеобщей воинской повинности для корейцев и закон об их трудовой мобилизации. Многие из студентов не вняли призывам колониальных властей и ушли в горы к партизанам. В своеобразные демонстрации протеста превращались проводы корейцев, отправляемых в Японию по трудовой мобилизации. Примером такого протеста населения против трудовой мобилизации может быть названо и одно из крупных выступлений, которое произошло летом 1944 г. на привокзальной площади Сеула, жестко подавленное полицией. Уклонившиеся от мобилизации уходили в горы, вливались в отряды сопротивления. Они разбирали железнодорожные пути, организовывали диверсии. Массовые аресты, облавы, полицейские угрозы создавали в стране обстановку предельной напряженности, но не могли ослабить народное сопротивление, оно уходило глубже в подполье. Доступные автору служебные издания генерал-губернаторства дают меньше информацию о 40-х гг.; их повествование заканчивается 1941 г.

Призывы властей «думать, говорить и писать по-японски, ибо это необходимо для участия Кореи в построении Великой Восточной Азии» не встречали ожидаемого отклика. В движении против ассимиляторских акций властей участвовала прогрессивная корейская интеллигенция. Нараставшие в колонии недовольство и волнения вынудили японские власти принять дополнительные меры по «успокоению корейского тыла». Был разработан закон о политических правах корейцев, предусматривалось некоторое улучшение условий их жизни в Корее и Японии. В том же году был принят закон о предоставлении корейцам избирательных прав и некоторые другие меры.

Продолжались выступления интеллигенции, студенчества. Отказ многих студентов идти добровольцами в японскую армию расценивался национальными силами как крупная антивоенная, патриотическая акция. Для борьбы с ней власти задабривали молодежь, заигрывали с ней, в то же время запугивали и наказывали ее. Следует отметить, что настроение молодежи, студентов, как и профессуры, не было единым и однозначным. Антияпонские, антивоенные настроения были не у всех, некоторые группы находились в плену идеологической пропаганды. Часть интеллигенции продолжала ориентироваться на ожидаемую ею помощь США. Профессура, призывавшая студентов идти служить в японскую армию, во многих работах отечественных корееведов оценивалась однозначно как антипатриотическая. Думается, это было не так. Часть преподавателей и профессоров, действительно, стала прояпонской силой. Другие же в условиях жестокого военно-поли-

цейского режима выполняли требования властей, чтобы выжить, но оставались при этом патриотами. Была и такая часть интеллигентской элиты, которая искренне надеялась, что победа Японии принесет корейскому народу если не свободу, то какое-то облегчение, вера лозунгам единства метрополии и колонии.

Итак, в период второй мировой войны в Корее действовало патриотическое подполье. На первый взгляд могло казаться, что оно полностью уничтожено японскими карательными органами, но это не так. Ослабленное, малочисленное, обескровленное, оно все же продолжало жить.

Подводя итог сказанному выше отметим, что антияпонские выступления в Корее в годы второй мировой войны проходили в нескольких направлениях: борьба отрядов сопротивления и партизанских групп; саботаж и забастовки на предприятиях, диверсионные акты на железных дорогах; движение протеста против призыва в японскую армию, уход студентов в партизаны, которые, разбившись на небольшие группы, продолжали борьбу.

Хочется подчеркнуть, что, как корейское подполье, действовавшее внутри страны, так и группы и организации, ведущие свою деятельность за пределами страны, в том числе и партизаны в Маньчжурии, внесли свой вклад в борьбу корейского народа за независимость. Это корейское сопротивление подтачивало японское колониальное господство и стало одним из факторов победы над милитаристской Японией во Второй мировой войне.

Литература

1. История Кореи: в 2 т. М. : Наука, 1974. Т. 2. 480 с.
2. История Кореи (Новое прочтение). М. : РОССПЭН, 2003. 429 с.
3. Хан Енъю. История Кореи – новый взгляд. М. : Восточная литература РАН, 2010. 758 с.
4. Шабина Ф. И. Южная Корея 1945–1946. Записки очевидца. М. : Наука. 1974. 271 с.
5. Шабина Ф. И. В колониальной Корее (1940–1945). Записки и размышления очевидца. М. : Наука, 1982. 287 с.
6. Akita George, Palmer Brandon. The Japanese colonial Legacy in Korea. 1910–1945 //A new Perspective. USA : MerwinAsia, University of Hawaii Press, 2015, 218 p.
7. Lee Chong-Sic, Scalapino Robert. Communism in Korea. Berkeley : University of California Press, 1972, 670 p.
8. Вестник идеологии (Сисо: ихо:) 思想彙報, выпуск 1937 г. № 11. Сеул : издание генерал-губернаторства, 1937. 321 с. (на япон. языке)
9. Корейская полиция (Те:сэн кэйсацугайе:) 朝鮮警察概要. Сеул : издание генерал-губернаторства, 1938. 161 с. (на япон. языке)
10. Словарь тайной полиции (Ко:то: кэйсацу е:годзитэн) 高等警察用語辞典. Сеул : издание генерал-губернаторства, 1935. 258 с. (на япон. языке)
11. Состояние общественного спокойствия в Корее в последнее время (Сайкин-ни окэру те:сэндзиан дзе:ке:) 最近における朝鮮治安状況. Сеул : издание генерал-губернаторства, 1939. 480 с. (на япон. языке)

References

1. Akita George, Palmer Brandon. (2015). *The Japanese colonial Legacy in Korea. 1910–1945 //A new Perspective*. USA : MerwinAsia, University of Hawaii Press. 218 p.
2. *Cho:sén keisatsu gaiyou* (朝鮮警察概要), [Outline of Korean Police], (1938), Seoul : Governor-general Office Publ., 161 p. (in Japanese)
3. *Istoriia Korei*, [History of Korea], Vol. 2, (1974), Moscow : Nauka Publ., 480 p. (in Russian)

4. *Istoriia Korei. Novoe prochtenie*, [History of Korea. A New Perspective], (2003), Moscow : ROSSPĖN Publ., 429 p. (in Russian)
5. Khan En"u. (2010) *Istoriia Korei – novyi vzgliad* [History of Korea – a New Perspective], Moscow : «Vostochnaya literature» RAN Publ., 758 p. (in Russian)
6. *Koutou keisatsu yougojitēn* (高等警察用語辞典), [Secret Police in Korea. A Dictionary of Terms], (1935), Seoul, Governor-general Office Publ., 1935, 258 p. (in Japanese)
7. Lee Chong-Sic, Scalapino Robert. (1972) *Communism in Korea*. Berkeley : University of California Press, 670 p.
8. *Saikin-ni okeru chousenjian joukyou* (最近における朝鮮治安状況), [Recent Situation of Peace and Order in Korea], (1939) Seoul : Governor-general Office Publ., 480 p. (in Japanese)
9. Shabshina F. I. (1974) *Yuzhnaya Koreya 1945–1946. Zapiski ochevidtsa*. Moscow : «Nauka» Publ., 271 p. (in Russian)
10. Shabshina F. I. (1982) *V kolonial'noi Koree (1940–1945). Zapiski i razmyshleniya ochevidtsa*. Moscow : «Nauka» Publ., 287 p. (in Russian)
11. «Shisou ihou» (思想彙報), [Thought Control in Korea], (1937), № 11, Seoul : Governor-general Office Publ., 321 p. (in Japanese)

The article was submitted on 10.06.2018